

**ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ-БИБЛЕИЗМЫ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЧИ XIX-XX ВВ.**

Девятнадцатый век в истории русской культуры и ее феномена — русского языка занимает особое место. В начале XIX в. были заложены и закреплены в творчестве А. С. Пушкина основы современного русского литературного языка. Пушкин, разрушив систему трех стилей XVIII в., «создал и санкционировал», по мнению академика В. В. Виноградова, «многообразие национальных стилей, многообразие стилистических контекстов, связанных темой и содержанием. Вследствие этого открылась возможность бесконечного индивидуального варьирования литературных стилей»¹. Драматург А. Н. Островский ставил в заслугу А. С. Пушкину «высвобождение национальной русской мысли из-под гнета условных приемов и вступление русского литературного языка как равноправного члена в семью западноевропейских языков»². Д. С. Лихачев называл А. С. Пушкина, который стремился приобщить свое творчество ко всем вершинам мировой поэзии: Данте, Гафизу, Гете и др., — «национальным идеалом», «своеобразным символом русской культуры», издавна считавшей «простор и большие расстояния этическим и эстетическим благом для человека»³. Широко применяя в своем литературном творчестве элементы иностранных языков — иноязычные вкрапления, Пушкин разработал принципы их отбора и использования. Эти принципы получили дальнейшее развитие в русской литературе и применялись вплоть до Октябрьской революции, а некоторым из них следуют и в наши дни.

Иноязычные вкрапления — стилистическая категория литературной речи, обязанная своим появлением двуязычию (многоязычию) носителей литературного языка. Находясь за пределами языковой системы принявшего их языка (в данном случае русского) и будучи незамкнутой группой слов, словосочетаний, предложений или более крупных отрезков текста на иностранном языке, иноязычные вкрапления испытывают влияние текста, в который они вставлены, вступают с ним в межъязыковой контакт.

С точки зрения соотношения иноязычных вкраплений с системами контактирующих языков можно выделить четыре разряда иноязычных вкраплений: 1) полные вкрапления, употребленные

в русском тексте без графических, фонетических и морфологических изменений и не включенные в синтаксические отношения в составе русского предложения, например: *Wer ist das?* — сердито отозвался на это Вибель (А. Ф. Писемский); 2) частичные вкрапления, в той или иной мере ассимилированные фонетически, графически, морфологически или включенные в синтаксические отношения в составе русского предложения, например: *Пуркуа ву туше, пуркуа ву туше*, — закричал Антон Пафнутьич (А. С. Пушкин); «Марсельеза» была вынуждена петь с «*Mein lieber Augustin*» в один такт (Ф. М. Достоевский); Он не мог грубо порвать узы *Naturgewalt'a...* (А. И. Герцен); Мы, люди старого века, мы полагаем, что без *принципов...* (И. С. Тургенев); 3) контаминированные русско-иноязычные вкрапления (явления «ломаной» речи), представляющие собой русский текст, построенный по законам иностранного языка (или с нарушением законов русского языка), например: *Я очень вольнуююс, терта ка-лаш* (калач), *я есть больной, она мне понравилась отлично*, а также: Бопре ... приехал в Россию *pour etre dutchitel* (А. С. Пушкин); 4) нулевые вкрапления, которые представляют собой тексты, переведенные с иностранного языка на русский язык и включенные в оригинальные русские тексты. В художественных произведениях нулевые вкрапления выполняют не только номинативную, но и стилистические функции, как и другие типы иноязычных вкраплений.

Принципы отбора и стилистического использования иноязычных вкраплений, применяемые в разные периоды развития литературного языка, обычно складываются в результате воздействия на данный язык различных факторов, из которых важнейшие: 1) внутренние закономерности данного языка, 2) характер его контактов с другими языками, 3) общественно-политическая и языковая ситуация в стране. С изменением этих факторов изменяются состав иноязычных вкраплений и нормы их использования в литературной речи. Сказанное выше относится и к русскому литературному языку.

На подступах к XIX в. — во второй половине и к концу XVIII в. — языковая ситуация и культурно-экономические условия развития России способствовали упрочению тесных традиционных контактов русского языка с другими языками, прежде всего с западноевропейскими. Одной из форм межъязыковых контактов в России в это время была переводческая деятельность. Произведения мировой литературы переводились русскими переводчиками и печатались в русских типографиях, драматурги-

ческие же пьесы Мольера, Шекспира, Шиллера и др. не только переводились и печатались, но и ставились в театрах Петербурга, Москвы и других городов. Широко распространялись и оригинальные тексты произведений западноевропейских авторов, доставлявшиеся в Россию из-за границы или перепечатывавшиеся в российских городах. В свое время В. В. Виноградов писал: «Неосомненно, что история русского литературного языка в значительной степени определяется историей переводов с иностранных языков»⁴. Эту мысль развивал Р. А. Будагов, отметивший, что «иногда переводы «обгоняли» литературные языки, иногда они следовали за их развитием, но во всех случаях находились многочисленные контакты, определявшие формы взаимодействия между языками различных переводов и литературным языком этой же эпохи»⁵.

В распространявшихся в России в конце XVIII в. произведениях зарубежных писателей, философов, ученых чаще всего использовались латинские языковые вкрапления (их много, например, в ряде произведений Мольера, Свифта, Бомарше, Вольтера, Руссо, Дидро, Рабле, Данте и др.). Широко употреблялись также французские вкрапления, меньше было немецких, итальянских, английских. Эти вкрапления употреблялись западноевропейскими авторами и в так называемой национально-культурной функции, т.е. в тесной связи с национально-культурным своеобразием содержания текстов (при изображении иностранцев и отечественных билингвов и передаче их речи, при описании культуры зарубежных стран), и в «престижной» функции, т.е. вне связи с национально-культурным своеобразием содержания текста, в качестве элементов повествовательной нормы автора и приметы изысканной литературно-книжной речи. Так, латинские вкрапления нередко вводились в речь персонажей-церковников и представителей схоластической науки в соответствии со сложившейся практикой включения их в научные тексты, нередко они выступали как предмет насмешек или средство создания комических ситуаций и сатирического осмеяния отдельных персонажей (в произведениях «Мещанин во дворянстве» Мольера, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, при описании Свифтом путешествий Гулливера и др.), т.е. использовались в национально-культурной функции. Но, к примеру, в трактатах Руссо половина из 50 иноязычных вкраплений, в том числе латинских, представляла собой изречения выдающихся государственных и культурных деятелей, пословицы и поговорки народов мира в графике языка-источника, которые выполняли «престижную»

функцию, употребляясь вне связи с национально-культурным своеобразием содержания сообщений.

Русские переводчики XVIII в., как правило, сохраняли при переводе иноязычные вкрапления, и таким образом русские читатели знакомились с принципами отбора и стилистического использования иноязычных вкраплений в западноевропейской литературе. Эти принципы несколько отличались от тех, которые применялись в то время в русской литературе. Как отмечают исследователи, с 1740 г. у нас «явно преобладает осторожность в прямом заимствовании иностранных слов»⁶, так как «неустойчивость самой системы литературного языка постоянно вызывала стремление предохранить русский язык от иноязычных заимствований»⁷. Это нашло отражение и в использовании иноязычных вкраплений. В национально-культурной функции — традиционной для русской литературной речи — иноязычные вкрапления продолжали использоваться и в этот период, хотя число их значительно уступало числу иноязычных вкраплений, употреблявшихся в этой функции в западноевропейских текстах. Отличались вкрапления и языками-источниками. У нас в указанный период преобладали не латинские, а французские вкрапления, а наряду с латинскими использовались немецкие, греческие, польские, церковнославянские языковые вкрапления. Однако в отборе и использовании иноязычных вкраплений русские тексты имели и общие с западноевропейскими моменты. Так, употребление иноязычных вкраплений (в частности, французских, немецких) для отрицательной характеристики персонажей и в качестве объектов насмешки в русских комедиях Фонвизина, Крылова и др. имеет прямую связь с западноевропейской литературной традицией⁸.

Что же касается использования иноязычных вкраплений в так называемой престижной функции, т.е. для украшения речи, придания ей высокой книжности и изысканности, то единичные вкрапления такого типа появились у нас лишь в самом конце XVIII в. в отдельных произведениях Н. М. Карамзина и Д. И. Фонвизина. И если в произведениях западноевропейских писателей вне связи с национально-культурной спецификой содержания текста иноязычные вкрапления использовались не только внутри текста, но и в качестве эпиграфов ко всему произведению и к отдельным его главам (это были цитаты из произведений древнеримских писателей, историков, общественных деятелей, а также пословицы, поговорки разных народов мира на латинском, греческом, французском, немецком и др. языках,

многие из которых входили в международный фразеологический фонд), то из русских писателей, пожалуй, только А. Н. Радищев ввел эпиграф к «Путешествию из Петербурга в Москву», но это было не изречение на латинском или греческом языке, а цитата из «Телемахида» В. К. Третьяковского. В равном количестве текстов Ж.-Ж. Руссо и М. В. Ломоносова, рассмотренных нами, на 25 полных иноязычных вкраплений у Ж.-Ж. Руссо, использованных вне связи с национально-культурным своеобразием содержания текстов (в том числе большая их часть в качестве эпиграфов), приходится лишь несколько полных иноязычных вкраплений в научных сочинениях М. В. Ломоносова. Подавляющая же часть цитат из произведений древнеримских и древнегреческих авторов, как и названия иностранных книг, иностранные термины, даются в русском переводе и русской графике. Таким образом, господствовавший до самого последнего десятилетия XVIII в. в России пуризм во многом обусловил отличия в отборе и использовании иноязычных вкраплений в оригинальных русских и переводных текстах этого периода, и многие полные иноязычные вкрапления, относящиеся к уже сформированному в западноевропейских языках международному фразеологическому фонду, в том числе библейзмы, в русскую литературную речь не включались.

Положение резко изменилось в начале XIX в., когда сформировались социально-экономические, политические и культурные предпосылки для углубления и расширения контактов русского языка не только с западноевропейскими, но и другими языками. Русско-французское двуязычие, характерное для образованных дворянских кругов⁹, возникновение в русской аристократической культуре поэтического слова манеры насыщать речь выражениями наиболее известных произведений мировой литературы, утверждение в творчестве выдающихся русских писателей, публицистов и общественных деятелей «приема открытых или завуалированных цитат, ссылок на знаменитые афоризмы, изречения, на «крылатые художественные образы и выражения»¹⁰, развитие литературных жанров, располагающих к отражению явлений других культур (романы в письмах, путешествия, путевые записки, дневники и др.)" — все это и многое другое¹² способствовало увеличению числа иноязычных вкраплений в русских оригинальных и переводных текстах разных стилей и жанров, а также изменению их качественного состава.

В первой половине XIX в. число иноязычных вкраплений в оригинальных русских текстах резко увеличилось и стало превос-

ходить число вкраплений в текстах зарубежных авторов, будь это произведение художественной литературы или журнальные статьи разных жанров. Трудно назвать оригинальные тексты этого периода, в которых не использовались бы полные и частичные вкрапления, как связанные с национально-культурным своеобразием содержания сообщения, так и употребленные вне этой связи. И если во второй половине XVIII в. цитаты из произведений зарубежных писателей вводились в тексты чаще всего переведенными, то уже в начале XIX в. и на всем его протяжении стало принято использовать их без перевода и в графике языка-источника, в том числе и в качестве эпиграфов к произведениям художественной литературы, научным трактатам и отдельным их главам. Указанный сдвиг был совершен при явной ориентации произведений русских авторов на западноевропейские литературно-книжные образцы в условиях благоприятствующей этому языковой ситуации в России. В результате этого сдвига русский литературный язык получил возможность (которую он и использовал) включать в состав иноязычных вкраплений как стилистической категории русской литературной речи обширный запас международных иноязычных выражений и слов, употреблявшихся без перевода с соблюдением графики и орфографии языка-источника, в том числе и библеизмы¹³.

Библеизмами принято считать фразеологизмы и афоризмы библейского происхождения, а также отдельные слова из Библии, которые приобрели переносное значение. Библеизмы входят в языки народов, исповедующих христианство, хотя и не полностью совпадают в них по составу и значению. В настоящей статье ставится цель установить состав иноязычных вкраплений-библеизмов, использовавшихся в русской литературной речи на протяжении XIX в., и проследить их дальнейшую судьбу в русском языке.

Один из источников иноязычных вкраплений-библеизмов, употреблявшихся в русской литературной речи в XIX в., — оригинальные и переводные тексты произведений западноевропейских писателей и ученых, распространявшихся в России. Так, в Словаре иноязычных выражений и слов А. М. Бабкина и В. В. Шендецова¹⁴, содержащем свыше 150 иноязычных выражений и слов-библеизмов, многие библеизмы иллюстрируются примерами из переведенных на русский язык произведений западных писателей, ученых, философов. Библия во многие страны Западной Европы пришла, как известно, в первые столетия I тысячелетия на латинском языке, она имеет там многовековую ис-

торию, была распространена задолго до того, как восточные славяне, приняв христианство, познакомились с переведенной с греческого языка на церковнославянский Библией. В западноевропейских странах Библия послужила источником для фразеологизмов, которые без перевода и с сохранением латинской графики и орфографии вводились в тексты на национальных языках народов в качестве иноязычных вкраплений и выполняли там разнообразные стилистические функции¹⁵. Сложившаяся на Западе традиция использовать библейзмы на латинском языке без перевода была поддержана той ролью, которую долгие годы латинский язык играл в культурной жизни западноевропейских стран, функционируя там в средние века в качестве общего письменного языка, используясь до XVIII в. в качестве языка дипломатии, науки и философии и оставаясь языком католической церкви и официальным языком (наряду с итальянским) Ватикана.

Из 150 вкраплений-библейзм в Словаре иноязычных выражений и слов 100 являются полными или частичными латинскими вкраплениями узувального характера, иллюстрируются примерами из многих произведений как зарубежных (Данте, Рабле, Вольтера, Спинозы, Бэкона, Сервантеса, Свифта, Стендаля, Бальзака, Гофмана, Ж. Санд, Маркса, Энгельса), так и русских авторов (А. А. Бестужева-Марлинского, П. А. Плетнева, А. И. Тургенева, А. Н. Веселовского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. В. Сухово-Кобылина, Н. Г. Чернышевского, Н. С. Лескова, А. И. Герцена и др.). Например, библейзм *Ave Maria* (Мтф., 1:28) употребили Н. Н. Огарев, А. И. Герцен, В. А. Танеев, Н. В. Гоголь, А. В. Ивановский; библейзм *Destruam et aedificabo* — Разрушу и воздвигну (Марк, 14:58) — А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, а также К. Маркс в письме Ф. Энгельсу. Число примеров можно умножить. Однако есть латинские вкрапления-библейзмы, которые в Словаре иноязычных выражений и слов подтверждаются примерами только из переводных текстов. Так, библейзм *Et vidit quod esset bonum* — И увидел, что (созданное им) было хорошо (Бытие, 1:31) сопровождается примером только из книги Гюго «Труженики моря»; библейзм *MM vindicta, ego retribuam* — Мне отмщение и аз воздам (Второзаконие, 32:35) иллюстрируется цитатой из «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле. Помещены в Словаре иноязычных выражений и слов и библейзмы на латинском языке с примерами только из произведений русских авторов. Так, библейзм *Etiam si omnes — ego non* — Даже если все (отрекутся), я нет

(Мтф., 24:35) иллюстрируется цитатами из произведений А. Ф. Кони, В. А. Арцимовича; библеизм *Et ne /ios inducas in tentationem* — И не введи нас во искушение (Мтф., 6:13) сопровождается цитатой из письма А. И. Герцена, а библеизм *Pulsate et aperietur vobis* — Стучите и вам откроют (Лука, 11:0) дан с примером из книги С. Я. Елпатьевского «Близкие тени». Употребление библеизмов на латинском языке в русских текстах было поддержано тем, что (хотя А. С. Пушкин в «Евгении Онегине» и утверждал, что «латынь из моды вышла ныне») во многих средних и высших учебных заведениях России вплоть до Октябрьской революции преподавался латинский язык и латинские выражения, в том числе и библеизмы, ставшие крылатыми и вошедшие в международный фразеологический фонд, заучивались учащимися; было престижно вставлять их в публичную речь.

Однако в русской литературной речи в XIX в. использовались библеизмы и на других западноевропейских языках (французском, немецком, английском, итальянском и др.). Так, в Словаре иноязычных выражений и слов дано свыше 15 библеизмов на французском языке. Все они, за исключением двух, подтверждаются примерами из произведений только русских авторов: Ап. А. Григорьева, Л. Н. Толстого, А. И. Герцена, С. В. Ковалевской, И. А. Гончарова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др. Лишь библеизмы *Veau d'or* — Златой телец (Исход, 32) и *Fort comme la mort* — Сильна как смерть (Песнь песней, 8:16) использовали соответственно Маркс и Мопассан.

Библеизмов на немецком языке в Словаре иноязычных выражений и слов дано несколько меньше, чем на французском. Они также иллюстрируются в основном примерами из произведений русских писателей. Лишь библеизм *Kreti und plethi* — Хе-лефен и фелефен. Пренебр.: «шатая и братия», всякий сброд (II Книга царств, 15:18) подтвержден примерами из текстов произведений Энгельса и Ленина.

По несколько библеизмов приведено и на других языках. На греческом языке это *En arche en ho logos* — В начале было слово (Иоанн, 1:1), а также *ee* и *so* (греч.+ русск.) — Альфа и омега (чего-либо) (Апокалипсис, 1:8); на итальянском языке — *Vieni, sposa da Libano* — Гряди, от Ливана невеста (Песнь песней, 4:8), на английском — *The bock* — Книга, т.е. Библия, а на халдейском — *Mane (mene), thekel, fares* — Исчислено, взвешено, разделено (кн. Даниила, 5:25-28). И эти иноязычные вкрапления подтверждаются примерами из произведений только русских авторов.

Узуальность употребления многих иноязычных вкраплений-библейзмов в русской литературной речи XIX в. отмечена не только Словарем иноязычных выражений и слов А. М. Бабкина и В. В. Шендецова, но и другими справочными изданиями. Так, в вышедшей из печати в конце XIX в. книге М. И. Михельсона «Русская мысль. Свое и чужое»¹⁶, где собраны как исконно русские, так и переведенные на русский язык иноязычные образные слова и выражения, в Приложении дан указатель иностранных слов, вошедших в русский язык, и перечень слов и выражений на латинском, французском, итальянском, английском языках, «нередко приводимых письменно и устно», т.е. узуальных иноязычных вкраплений. Среди них есть и библейзмы, в том числе библейзм *адамово яблоко* на немецком языке (*Adamsapfel*). В словарной статье, посвященной библейзму *святая святых*, приводится для сравнения этот же библейзм на немецком языке (*Allerheiligste*), а в цитате из произведения Гюго — на латинском (*sanctum sanctorum*) и французском (*saint des saints*) языках.

Освоение русским образованным обществом иноязычных вкраплений, в том числе библейзмов — единиц международного фразеологического фонда в графике языка-источника, и широкое использование их в литературной русской речи в «престижной» функции продолжалось и в начале XX в. В творчестве поэтов и писателей серебряного века библейские тексты, притчи, поучения, проповеди занимали большое место, и число иноязычных вкраплений-библейзмов в этот период и в художественных произведениях, и в публицистических, философских, юридических и научных текстах не сокращалось. В Словаре иноязычных выражений и слов к библейзмам-иноязычным вкраплениям дается немало иллюстративных примеров из произведений А. Блока, В. Брюсова, В. Вересаева, Вяч. Иванова, Тэффи, К. С. Станиславского, А. Ф. Кони, К. А. Тимирязева и др.

Поток иноязычных вкраплений-библейзмов, хлынувший в XIX в. в русскую литературную речь из текстов на западноевропейских языках, встретил на своем пути не менее мощный поток библейзмов, входивших на протяжении нескольких веков в русский язык из другого источника — Библии на церковнославянском языке, а позднее и из библейских текстов на русском языке. Православие, пришедшее к восточным славянам, стало формой приобщения этих народов к духовным вершинам европейской цивилизации средневековья. Выполненные Кириллом и Мефодием переводы Библии на славянский язык после крещения

Руси были перенесены со славянского юга в Киев и Новгород, а оттуда распространились «по градам и весям» всей нашей земли»¹⁷. Библию считают вершинным, непревзойденным событием в области духовной культуры. Она по своему воздействию на общечеловеческую культуру, бесспорно, занимает такое выдающееся, уникальное место, что «ни одна другая книга сравниться с ней не может»¹⁸. Русский язык, подобно другим языкам христианских народов, испытывал и испытывает на себе огромное библейское влияние. В него вошло множество слов, словосочетаний, непосредственно заимствованных из Библии или обогащенных семантически в результате освоения русским народом основ православия и тех высоконравственных ценностей, которые стоят за библейскими текстами.

В недавно изданном Фразеологическом словаре русского языка конца XVIII—XX вв., под редакцией А. И. Федорова¹⁹, помещено значительное число библейских выражений, ставших фразеологизмами русского языка, употребление которых составители Словаря проиллюстрировали примерами из произведений многих русских писателей XIX в. (А. Н. Некрасова, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, И. А. Крылова, А. П. Чехова, Г. Р. Державина, П. И. Мельникова-Печерского, С. М. Степняка-Кравчинского, Д. Н. Мамина-Сибиряка и др.). Немало библеизмов-фразеологизмов дано и в других фразеологических словарях русского языка. Состав этих библеизмов-фразеологизмов значительно отличается от состава тех иноязычных вкраплений-библеизмов, которые использовались в русской литературной речи XIX в. и отражены в Словаре иноязычных выражений и слов А. М. Бабкина и В. В. Шендецова. Так, лишь часть библеизмов на латинском языке имеет соотносительные библеизмы в русском языке: *отойди (изыди), сатана; божьей милостью, это перст божий; стучите (толците) и (отверзется) вам откроют; кто имеет уши, чтобы слушать, да слышит; еже писах— писах; кто не хочет работать, пусть не ест; камо грядеши; много званых, на мало избранных; ничто не ново под солнцем; не мечите бисер перед свиньями; ныне отпускаеши; отче наш; тайное сделается явным; кто без греха; воздайте кесарево кесарю, а Божие Богу; колосс на глиняных ногах; в поте лица твоего будешь есть хлеб твой; святая святых; суета сует и всяческая суета; глас вопиющего в пустыне* и др. Однако не меньше библеизмов на латинском языке, представленных в Словаре иноязычных выражений и слов, не имело аналогов среди русских фразеологизмов и афоризмов

(даем их в русском переводе): *сказал и тем спас душу; и будете, как Бог, знать добро и зло; незримое скрытое Божество; сегодня царь, завтра— никто; сегодня— мне, завтра— тебе; помни, человек, что ты прах и в прах превратишься; веселящаяся блудница; ученик не выше учителя; неужели и Саул во пророках?; число глупцов бесконечно; небесная лестница; горе одинокому; дух бодр, а плоть немощна; возвратился в землю, откуда и пришел; не знаю вас (т.е. не признаю вас); да будет проклят, да будет отлучен и многие др.*

Некоторые библейзмы, употреблявшиеся на немецком языке, имеют аналоги и на русском языке: *всему свое время; поцелуй Иуды; каинова печать; краеугольный камень; шатия и братия*. В то же время в словарях нет русских аналогов для немецких библейзмов и афоризмов: *все испытайте и держитесь хорошего; сын смерти; пребывать с благоприятными видами на будущее; небольшая закваска квасит всю опару; посылать от Понтия к Пилату*. Фразеологизм на немецком языке *Babylonische Sprachverwirrung* (букв. вавилонское смешение языков), что соответствует библейскому тексту: *...и рассеял их Господь оттуда по всей земле— и они перестали строить город и башню (посему дано ему имя «Вавилон», — ибо там смешал Господь язык всей Земли и оттуда рассеял их Господь по всей Земле)* (Бытие, 11:8-9) соотносится с русским фразеологизмом *вавилонское столпотворение* со значением «бестолковый шум, беспорядок при большом стечении народа», которое отличается от значения немецкого библейзма.

У библейзмов на греческом языке (*в начале было слово; альфа и омега*) есть русские соответствия, однако для халдейского библейзма *исчислено, взвешено, разделено* русский аналог отсутствует, как и для итальянского *гряди, от Ливана невеста* и английского *собрать горячие угли на голову противника*.

Для некоторых библейзмов на французском языке имеются параллели в русском языке: *козел отпущения; я умываю руки, несть пророка в отечестве своем; мерзость запустения*. Однако в число русских не вошли аналоги французских: *заколоть жирного тельца; сильна как смерть; пробный голубь; да свершится предначертанное; Каин, что ты сделал со своим братом?*

Общее число узуальных библейзмов на русском языке (отдельных слов, словосочетаний, предложений) к концу XIX в. значительно превосходило (почти на сто единиц, по данным словарей) число иноязычных вкраплений-библейзмов, использовавшихся в этот период в русской литературной речи; почти все они относились к международному фразеологическому фонду, так как

имели соответствия (смысловые, а отчасти и структурные) в других языках христианских народов. Происхождение и состав библеизмов на русском языке интересовали многих ученых. Большинство русских афоризмов и фразеологизмов библейского происхождения представляют собой кальки языковых единиц греческого языка, с которого на церковнославянский, а затем на русский язык была переведена Библия. Однако не все библеизмы воспроизводят слово в слово выражения из Библии, часть из них была создана в современных языках позже на основе библейских текстов (сюжетов), например: *Содом и Гоморра, волк в овечьей шкуре, вавилонское столпотворение, Фома неверный* и др. Процесс пополнения фразеологизмов и афоризмов библейского происхождения в русском языке имел место на протяжении всего

XIX столетия и не прекращается до сих пор. Отдельные библеизмы, считают ученые, вошли в русский язык как кальки (переводы) библеизмов, употреблявшихся в русской литературной речи в XVIII—XIX вв. на французском и других западноевропейских языках. Таким образом, на протяжении XIX и в начале

XX в. в русской литературной речи использовались как иноязычные вкрапления-библеизмы, так и русские фразеологизмы и афоризмы библейского происхождения. Лишь часть их, правда, довольно большая, совпадала по значению, а некоторые и по структуре. Однако многие иноязычные вкрапления-библеизмы не имели русских параллелей, а среди русских узуальных библеизмов было немало таких, которые не имели соответствий среди иноязычных вкраплений. К тому же в XVIII—XIX вв. в недрах русского языка на основе библейских сюжетов и образов возникли библеизмы с национально-культурной спецификой значения, не имеющие соответствий в других языках христианских народов, например: *андреевская лента, андреевская звезда, андреевский флаг, андреевский зал* (Кремля), *архангел* (прост., ирон. жандарм, полицейский в России) и др.

Параллельное существование в течение долгого времени в России двух переводов Библии (русского и церковнославянского) отразилось на форме русских библеизмов и объясняет вариативность некоторых из них — совмещение в одном фразеологизме или афоризме церковнославянских и русских черт. В наше время черты церковнославянского языка воспринимаются в библеизмах как архаизмы. Выделяются библеизмы с лексико-фонетическими и собственно лексическими архаизмами: *взыскующие града, вкушать от древа добра и зла, кипеть млеком и медом, тридцать сребреников, не добро быти человеку одну, хранить как зеницу*

ока, агнец божий, змий-искуситель, вложить персты в язвы, якотать в ноци, посыпать пеплом главу, питаться акридами и диким медом, перековать мечи на орала, почитать от дел и др. Немало библейзмов с морфологическими и синтаксическими архаизмами: *вкушая вкусих мало меду и се аз умираю; своя своих не познаша; утоли моя печали; ничтоже сумняшеся; ныне отпущаеши; притча во языцех; темна вода во облацех; да минует меня чаша сия; ищите и обряцете; камни возопиют; тайна сия велика есть; вера без дел мертва есть и др.*

Иноязычные вкрапления-библейзмы и узуальные библейзмы русского языка использовались в русской речи не только в номинативной, но и в стилистических функциях. Однако статус по отношению к русскому языку и характер стилистических функций у иноязычных вкраплений, с одной стороны, и у русских библейзмов — с другой во многом не совпадали. Библейзмы на иностранных языках — это полные или частичные иноязычные вкрапления, находящиеся за пределами языковой системы русского языка и используемые образованными билингвами и полилингвами в стилистических (в основном «престижной») функциях. Они имели, как правило, сверхкнижную стилистическую окраску и делали речь изысканной. Вкрапления-библейзмы на латинском языке нередко использовались и когда автор хотел подчеркнуть общехристианский и даже общечеловеческий характер содержания библейзма, например: *А между тем капитал уже не может уклониться с этого пути! Digitus dei est hie!* Достигши полного цвета и развития, капитал превращается в своего собственного могильщика (Г. В. Плеханов. Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцова). Библейзмы же на французском языке придавали тексту и оттенки «светскости», так как в XIX в. французские языковые вкрапления было принято использовать в текстах «светского» содержания, претендующих на легкость, изящество стиля. Ср.: *Так ты ничего не можешь сделать?* — мрачно сказал Нехлюдов. — *Нет, сделаю. — Для нее же хуже. Это souffredoulens,* — слышался из гостиной голос женщины (Л. Н. Толстой. Воскресение).

Библейзмы на немецком языке обычно использовались, когда речь шла о Германии, например: *Немцам пора оторваться от слишком исключительного поклонения «Фаусту»* (мы еще недавно читали стихотворение Г. Карриера, в котором он называет «Фауста» *das Buck des Lebens*, потому что своим прошедшим, как бы оно прекрасно ни было, слишком долго любоваться не следует (И. С. Тургенев. «Фауст», траг., соч. Гете).

Что же касается библеизмов на русском языке, то все они являлись и являются неотъемлемой составной частью русского языка. Многие из них имеют стилистическую окраску книжности, что отмечается и в словарях: *агнец божий, глас вопиющего в пустыне, заблудшая овца, соль земли, апокалипсис* и др. Среди них — большая группа фразеологизмов и афоризмов, имеющих в своем составе архаизмы: *благую часть избрать, вера без дел мертва есть, взыскующие града, своя своих не познаша, да минует меня чаша сия; довлеет дневи злоба дня, испустить дух* и др. Некоторые книжные библеизмы имеют ироническую окраску, например: *ареопаг, избиение младенцев, из Назарета может ли быть что доброе?; ничтоже сумняся* и др. С пометой «шутливое» в словарях даются библеизмы: *разверзлись хляби небесные, блудный сын*. В XIX в. в речи образованной интеллигенции нередко использовались шутливо и те библеизмы, которые в словарях не имеют такой пометы.

Определенное число библеизмов на русском языке можно отнести к общеупотребительным (стилистически нейтральным): *всему свое время, невзирая на лица, адамова голова, андреевский флаг, андреевский орден, десять заповедей, корень зла* и др. Некоторые библеизмы имеют окраску разговорности: *петь Лазаря, Фома неверный, каждой твари по паре* и др. Отдельные библеизмы могут быть отнесены к просторечным: *наобум Лазаря, шатия и братия* и др. Несколько сотен библейских изречений перешли в пословицы русского языка, при этом многие из них трансформировались: сократились, изменили структуру, лексический состав, в некоторых случаях приобрели своеобразную ритмичность и рифмованность, т.е. претерпели «народную обработку», например: *Один Бог без греха*. — Ср. библеизм *Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы* (Экклесиаст, 7:20); *У Бога милостей много*. — Ср.: *Милостей господней полна земля* (Псалт. 32:5); *Не годы старят, а горе. Не работа старит, а забота*. — Ср.: *Работа прежде времени приводит старость* (Сын Сираха, 30:26) и др. С библейскими текстами эти пословицы связаны только этимологически. В речевом обиходе есть, однако, и такие изречения-пословицы, которые формально являются буквальными библейскими цитатами, например: *Око за око, зуб за зуб*. (Мтф., 5:38); *Кому много дано, с того много и спросится* (Лука, 12:48); *Не одним хлебом живет человек* (Второзаконие, 8:3); *Кто умножает познания, тот умножает скорбь* (Экклесиаст, 1:18); *В уши глупого не говори* (Притчи Соломона, 23:9); *Не поклоняйся богу чужеземному* (Псалтырь,

80:10) и мн. др. Библейские афоризмы как на иностранных языках, так и на русском, в том числе библейзмы-пословицы, выполняют помимо номинативной (обозначение типовых ситуаций) и эстетической (украшение речи) функций, еще и аргументационную функцию (подтверждение сказанного)²⁰.

Наличие в XIX и начале XX в. в распоряжении носителей русского литературного языка узувальных иноязычных вкраплений-библейзмов, фразеологизмов и афоризмов библейского происхождения на русском языке давало возможность применять названные выше языковые единицы дифференцированно, в соответствии со стилистическими установками автора и сферой использования им русской речи. Круг лиц, использовавших библейзмы на русском и иностранном языках, был в XIX в., однако, не одинаков. Иноязычные вкрапления-библейзмы — примета речи высокообразованных билингвов и полилингвов. Библейзмы же на русском языке были доступны любому русскому человеку, несмотря на архаизмы в их составе. В Словаре иноязычных выражений и слов отмечены единичные случаи параллельного употребления иноязычных вкраплений и их аналогов на русском языке в одном и том же контексте, например: А что вы сделали для достижения успеха? *Pulsate et aperiatur vobis*, молодой человек. Под лежащий камень вода не течет. Еще раз повторяю, *толците и отверзется* (С. Я. Елпатьевский. Близкие тени).

Образованные русские билингвы и полилингвы употребляли иноязычные вкрапления-библейзмы обычно в научных, философских, в публицистических работах, в выступлениях на юридические темы (в частности, в Словаре иноязычных выражений и слов приводится немало цитат из статей и публичных выступлений знаменитого адвоката А. Ф. Кони), в письмах, мемуарах и др. В художественных же произведениях иноязычные вкрапления-библейзмы использовались крайне редко и вводились, как правило, в речь лишь некоторых персонажей. Так, Л. Н. Толстой в качестве эпиграфа к роману «Анна Каренина» использовал библейское изречение, включающее архаизм: *Мне отмщение, и аз воздам*²¹, а не библейзм на латинском языке, который дан в Словаре иноязычных выражений и слов (см. пример выше). В самом же тексте романа догматы христианской религии и конкретные библейские ситуации, хотя и обсуждаются многими персонажами, но при этом чаще всего они вольно пересказываются ими с включением библейских антропонимов и топонимов, а в отдельных случаях используются аллюзии, намеки на обще-

известные библейские сюжеты, например: ... *такие, как та крашенная француженка у конторки, с завитками — это для меня гадины, и все падшие — такие же. — А евангельская? — Ах, перестань! Христос никогда бы не сказал этих слов, если бы знал, как будут злоупотреблять ими* (т. 8, с. 48). Еще примеры: *Все утешения и увещания и прощения христианские — все это я уже тысячу раз передумала...* (т. 8, с. 74); *Это увещание Пилатом Матфея глава XXVIII, — сказал он...* (т. 9, с. 42); *Какое воспитание можете дать вы вашим малюткам, если не победите в себе искушения дьявола, влекущего вас к неверию?* (т. 9, с. 10); *Я хочу подставить другую щеку, я хочу отдать рубаху, когда у меня берут кафтан* (т. 9, с. 439); *Он видел на первом плане досадовавшее лицо Пилата и спокойное лицо Христа и на втором плане фигуры прислужников Пилата и вглядывавшееся в то, что происходило, лицо Иоанна* (т. 9, с. 43). В нескольких случаях персонажи включают в свою речь слова и фразеологизмы библейского происхождения, отмеченные в словарях XIX в., указанных выше, и в современных словарях библеизмов²², например: *Его дразнили, звали его Ноем, монахом...* (т. 8, с. 94); *Женщины — это главный камень преткновения в деятельности человека* (т. 8, с. 332); *Блаженны миротворцы, они спасутся, — сказала Бетси, вспоминая что-то подобное слышанное ею от кого-то* (т. 8, с. 139); *Опять приехал в наш развратный Вавилон* (т. 8, с. 56); *Тайна сия велика есть* (т. 9, с. 27) и др. В то же время персонажи романа используют библейские изречения, не отраженные в словарях библеизмов, например: *«Скрыл от премудрых и открыл детям и неразумным», — так думал Левин про свою жену. Левин думал о евангельском изречении...* (т. 9, с. 69).

Иноязычные вкрапления-библеизмы в романе отсутствуют, хотя иноязычные вкрапления другого происхождения, не связанные с Библией (французские, английские и др.), используются. В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» в качестве эпиграфа дано библейское изречение на русском языке: *Истинно, истинно говорю вам, если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плодов (Евангелие от Иоанна, г. 12, с. 24)*, которое не раз будет употребляться персонажами в романе. Религиозная проблематика широко обсуждается в романе, и вольное изложение библейских сюжетов и изречений Иисуса Христа и его апостолов содержится в речи почти всех персонажей; в нее включено и немало библейских антропонимов: *Христос, Иерусалим, Сарра, Кана галилейская, Авраам, Исаак, Ревекка* и др., переданных

средствами русской графики, а также фразеологизмов библейского происхождения: *не от мира сего, заговорила Валаамова оп лица, блудный сын, не хлебом единым жив человек, идти на крест* и др. В то же время автор в своей речи при описании католического креста использовал латинское языковое вкрапление: «Около нее две другие иконы... католический крест из слоновой кости с обнимающею его *Mater-dolorosa*». Латинское вкрапление не восходит непосредственно к библейским текстам, хотя и имеет значение «образ Богородицы, стоящей у креста». Оно включено в Словарь иноязычных выражений и слов как узуальное, а иллюстративные примеры говорят о его распространенности в речи католиков.

В русской литературной речи XIX в. наряду с библейзмами и афоризмами, которые фиксировались в фразеологических словарях русского языка, широко использовались более и менее обширные цитаты нравоучительного характера (с указанием на их источник), которые в словари не включались. Таковы, например, 4 цитаты из Библии, являющиеся эпиграфами к роману Л. Н. Толстого «Воскресение». Множество библейских цитат, а также аллюзий на библейские сюжеты и образы содержится в художественных произведениях Н. С. Лескова («Соборяне», «Запечатленный ангел», «На краю света», «Однодум», «Печерские антики» и др.) и у многих других писателей не только XIX, но и XX вв. К цитированию библейских текстов прибегали авторы произведений и иных стилей русского языка (публицистического, научного, официально-делового).

Положение резко изменилось после Октябрьской революции, когда «декретами советской власти было отменено преподавание церковнославянского языка и Закона Божия. Постоянное обращение к молитвам, к богослужебным текстам и особенно к Псалтыри, к текстам на церковнославянском языке на протяжении тысячелетия служило важнейшим источником обогащения концептосферы русского языка. Церковнославянские слова, выражения и формы слов служили не только расширению русского литературного языка и просторечия, но и вносили оценочный компонент в мышление», — писал Д. С. Лихачев²³. К этому надо добавить, что идеология воинствующего атеизма, ставшая господствующей в советском обществе, не способствовала тому, чтобы авторы, даже знающие Закон Божий и другие библейские тексты, привлекали их для аллюзий и цитирования в своих произведениях. Использовались в литературной речи в этот период лишь те библейские слова и выражения, которые, почти поте-

ряв связь с Библией, имели переносное значение и еще в предыдущее столетие стали фразеологизмами и афоризмами русского языка. Именно применительно к ним в русистике начал употребляться термин «библеизм» в современном его значении, приведенном в начале статьи.

Однако в XIX и начале XX в. объем значения этого термина был гораздо шире. К библеизмам в русской литературной речи XIX — начала XX в. надо относить не только русские фразеологизмы и афоризмы библейского происхождения и отдельные слова из Библии (в том числе антропонимы и топонимы), получившие в русском языке переносное значение, но и иноязычные вкрапления-библеизмы, относящиеся к международному фразеологическому фонду, а также цитаты из Библии на латинском и русском языках со ссылками на библейские цитируемые тексты; к ним примыкали случаи вольного (недословного) изложения библейских эпизодов и изречений, входивших в фоновые знания «среднего» русского, а также содержащиеся в речи намеки (аллюзии) на эти изречения и эпизоды.

Какова же судьба иноязычных вкраплений-библеизмов, широко использовавшихся образованными кругами русского общества в предоктябрьские годы? Общественно-политический климат в стране после 1917 г. не благоприятствовал их включению в литературную речь. К тому же в стране после революции резко упало число граждан, знающих иностранные языки: государство было занято решением внутренних проблем, преподаванию иностранных языков многие годы не уделялось должного внимания. Следствием этого стало резкое сокращение частоты использования и объема иноязычных вкраплений в литературной речи; их продолжали употреблять лишь представители старшего поколения, воспитанные на традициях золотого и серебряного века русской литературы (К. А. Тимирязев, Л. Леонов, А. Ахматова, М. Цветаева и др.). Многие иноязычные вкрапления, относящиеся к международному фразеологическому фонду (пословицы, поговорки, крылатые выражения разных народов и др.), стали употребляться в русском переводе. Что же касается иноязычных вкраплений-библеизмов, то те из них, которые сформировались на основе текстов на церковнославянском и русском языках и в XIX в. использовались параллельно с иноязычными вкраплениями-библеизмами, вытеснили последние.

То, что произошло с русским обществом и с русским литературным языком после Октябрьской революции, в последнее время явилось предметом анализа многих ученых. Отмечается,

что, «став выразителем великой и самобытной культуры мирового значения, русский язык к началу XX века достиг высочайшего уровня»; он представлял собой «весьма сложную стилистическую систему, сформировавшуюся в ходе творческой обработки средств общенародной речи выдающимися, а подчас и неизвестными деятелями русской культуры: писателями, учеными, философами, журналистами, юристами, священнослужителями, администраторами, — всеми, кто думал, творил на русском языке, способствуя его совершенствованию». Октябрьские же события 1917 г. вызвали не только резкое обновление и расширение лексики и фразеологии общественного содержания, — «революция породила социопсихологическую атмосферу жизни «от нуля», отказа от выработанной столетиями формы духовной и социальной практики, поиска путей кардинального обновления во всех областях человеческого бытия и сознания»²⁴. Произошел не только обрыв традиции речевого этикета, который с большим напряжением преодолевается нами и по сию пору, было не только переименовано этноисторическое пространство и искажены антропонимические традиции, но и реформировался стилистический баланс русского языка вследствие многих сдвигов в его стилистических ресурсах, в том числе и вывода из активного употребления широкого пласта сакральной лексики и фразеологии русского языка. «Утрата историко-культурной традиции привела к определенному снижению речевой культуры общества»²⁵.

Правда, некоторые писатели и поэты какое-то время и после Октябрьской революции продолжали вводить в текст своих произведений библейзмы на иностранных, в основном латинском, языках. Так, у А. Ахматовой есть «Библейские стихи»: в этот цикл вошли стихотворения «Рахиль», «Лотова жена», написанные в 20-е гг., и стихотворение «Мелхола» (1959—1961 гг.), к которым в качестве эпиграфов помещены цитаты из Библии, но на русском языке. В 1944 г. в Ташкенте А. Ахматовой было написано стихотворение «Учитель» (цикл «Венок мертвым»), в которое поэтесса ввела усеченный библеизм *De profundis* на латинском языке: «*De profundis...* Мое поколение / Мало меду вкусило. И вот / Только ветер гудит в отдаленье, / Только память о мертвых поет». В Словаре иноязычных выражений и слов этот библеизм дан в полной форме: *De profundis clamavi*. — Из глубины взываю (Псалтырь, 129:1).

Изредка в советские годы иноязычные вкрапления-библейзмы вводились в публицистические произведения, в основном в статьи на международные темы, например: «Только решительный

отказ всяких ядерных сил НАТО принес бы облегчение миру. *Quo vadis?* Куда пойдет британское правительство в эти решающие дни? Этот вопрос с тревогой задают себе не только на Британских островах» (Лит. газета, 1964. 8 дек.). Вошли в массовое употребление начальные слова молитвы католиков, посвященные Богородице (*Ave Мария*), на письме оформляемые средствами как русской графики, так и графики языка-источника (*Ave Maria*). Однако в приложении к 4-му тому Толкового словаря русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, где даны иностранные слова и выражения, «которые все-таки можно встретить в печати и в иностранном написании», иноязычные вкрапления-библейзмы отсутствуют.

Последнее десятилетие XX в. создало предпосылки для возвращения в русский язык большого пласта лексики и фразеологии библейского происхождения, некогда активно использовавшейся в русской литературной речи, и это возвращение уже осуществляется. Однако употребление иноязычных вкраплений-библейзмов, составлявших приметку литературно-книжной русской речи образованных людей России и выполнявших не столько директивную, сколько престижную функцию, очевидно, останется одной из особенностей русской литературы и русской литературной речи золотого и серебряного века²⁶.

---

¹ В и н о г р а д о в В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. М., 1982. С. 294.

² Там же.

³ Л и х а ч е в Д. С. Я вспоминаю. М., 1991. С. 153.

⁴ В и н о г р а д о в В. В. Язык Пушкина. М., 1935. С. 196.

⁵ Б у д а г о в Р. А. Литературные языки и языковые стили. М, 1967. С. 281-283.

⁶ С о р о к и н Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.; Л., 1965. С. 45.

⁷ Там же. С. 47.

⁸ См.: Б и р ж а к о в а Е. Э. Щеголи и щегольской жаргон в русской комедии XVIII века // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 96—129; А л е к с е е в М. П. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия // Труды юбилейной сессии. Серия филол. наук. Л., 1940. С. 179-223.

⁹ См. подробнее: Т ы н я н о в Ю. Н. О литературном факте // ЛЕФ. 1924. № 2. С. 101 — 117; П а п е р н о И. А. О реконструкции устной речи из письменных источников (кружковая и домашняя литература в пушкинскую эпоху) // Учен. зап. Тартуского ун-та, 1971. Вып. 442. С. 122— 134; П а н ф и л о в А. К. Русское слово и галломания (французский язык в России в XVIII—начале XIX века) // Проблемы современной исторической лексикологии. М., 1979. С. 13—20.

¹⁰ В и н о г р а д о в В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 375, 377, 385.

¹¹ Р а б о л и Т. Литература «Путешествий» // Русская проза. Л., 1926. С. 42-73.

¹² К у л е ш о в В. И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX в. (первая половина). М., 1976. С. 11-38, 47-56, 99-114. 118—126; Ж и р м у н с к и й В. Гете в русской литературе. Л., 1937. С. 20; Б о т п и к о в а А. Б. Э. Т. А. Г о ф м а н и русская литература (первая половина XIX века). К проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж, 1977; А л е к с е е в М. П. Английский язык в России и русский в Англии // Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1944. № 72, вып. 9. Сер. филол. С. 77—137.

¹³ См. подробнее: Л и с т р о в а - П р а в д а Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж, 1986.

¹⁴ Б а б к и н А. М., Ш е н д е ц о в В. В. Словарь иноязычных выражений и слов. Л., 1981. Ссылки в дальнейшем даются на данное издание словаря.

¹⁵ См. подробнее: О н о п р и е н к о С. Библейзмы современного русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1997.

¹⁶ М и х е л ь с о н М. И. Русская мысль. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и выражений: В 2 т. М., 1994.

¹⁷ В е р е щ а г и и Е. М. О древнейших переводах Библии, а также о переводе на современный язык // Азия и Африка сегодня. М., 1993. № 11. С. 49.

¹⁸ В е р е щ а г и н Е. М. Библейская стихия русского языка // Русская речь. М., 1993. № 1. С. 96.

¹⁹ Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII—XX вв. / Под ред. д-ра филол. наук А. И. Федорова. М., 1995.

²⁰ См.: З а н г л и г е р В. Ф. О переходе нетрансформированных библейских изречений в пословицы // Изучение славянских языков, литератур и культур в инославянской среде. Белград, 1998. С. 271—274.

²¹ Т о л с т о й Л. Н. Собр. соч.: В 14 т. Т. 8—9: Анна Каренина. М., 1952. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

²² См.: М а т в е е в а Н. П., М а к а р о в В. И. Словарь-справочник библейзмов русского литературного языка // Русская словесность. М., 1993. № 3-6; 1994. № 1-4, 6; 1995, № 2-6; 1996, № 1-2.

²³ Л и х а ч е в Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1993. № 1. Т. 52. С. 1-9.

²⁴ С а в е л ь е в а Л. В. Языковая экология. Русское слово в культурно-историческом освещении. Петрозаводск, 1997. С. 11 — 13.

²⁵ Там же. С. 16.

²⁶ См.: Б о е в а Л. Библейские парадигмы в творчестве авторов серебряного века // IX междунар. конгресс МАПРЯЛ «Русский язык, литература и культура на рубеже веков». I. Братислава. Словацкая республика, 16—21 августа 1999. Тез. докл. и сообщ. Братислава, 1999. С. 198.